

Улица «храброго кавказца»..?

В Межведомственную комиссию по наименованиям продолжают поступать предложения о возвращении названий некоторым петербургским проездам. Причём в ряде случаев личность, именем которой сейчас назван проезд, не вызывает особых симпатий ни у того, кто просит вернуть улице прежнее название, ни у тех, кто является сторонником наименований, полученных в советское время...

Недавно в Русском музее открылась грандиозная выставка «Избранники Клио. Герои и злодеи русской истории», экспонаты которой охватывают три столетия светского искусства России и более чем тысячелетнюю историю нашей страны. Среди героев произведений много личностей, имена которых значатся на монументах либо в топонимии российских городов. Тут и Александр Невский, и Степан Разин, и Пётр Первый, и все другие представители династии Романовых, и Александр Суворов, и декабристы, и Фёдор Достоевский, и вожди революции, и герои Великой Отечественной войны, и руководители государства новейшего времени, включая Ельцина и Путина. Важный момент: на выставке в Русском музее не указывается, кого следует считать настоящим героем, кого героем надуманным, а кого — злодеем.

Оценочный принцип «добрый — злой, хороший — плохой» в топонимике вообще неприемлем. Тем не менее, такой подход был и есть. До сих пор такой подход исповедуют, вопреки здравому смыслу, представители некоторых общественно-политических объединений. Именно политическая составляющая и поднятый из-за этого шум в прессе не позволил в этом году вернуть на карту Петербурга хотя бы несколько исторических наименований.

Одно из таких наименований связано с личностью Александра Ивановича Якубовича. Поговорить о нём тем более уместно, что в 2010 г. отмечается 185-я годовщина восстания декабристов.

Восстание декабристов — тема, достаточно исследованная историками. Именами казнённых офицеров русской армии, посмевших выступить против власти, названы улицы в разных городах страны. В том числе, конечно, в Петербурге.

Как бы кто ни относился к этому событию, повлиявшему на ход отечественной истории, у многих людей возникает сомнение по поводу увековечения декабриста Якубовича. Тем более, выбор улицы, оказавшейся самой близкой к месту восстания.

Современное название бывшая Ново-Исаакиевская улица получила 6 октября 1923 г. Правда, сначала она была улицей Декабриста Якубовича. Уточняющее слово «декабрист» практически перестало употребляться уже к 1926 г. И это понятно, поскольку конструкция топонима оказалась громоздкой, к тому же рядом появилась площадь Декабристов. Но всё же почему здесь, практически у места события, оказался не Каховский, выстреливший в генерал-губернатора Милорадовича, не Пестель, как один из главных организаторов тайного общества, наконец, не Рылеев, который,

А.И. Якубович.
Акварель Н. Бестужева. 1831 г.

по крайней мере, в 1825 г. жил в сотне шагов отсюда?!

Кстати говоря, переулок Каховского появился в городе только в 1940 г., а тем октябрьским постановлением были увековечены лишь трое декабристов — Пестель, Рылеев и Якубович. Пестеля и Рылеева, словно по-дружески, «поселили» рядом, присвоив их имена улицам, выходящим к Спасо-Преображенскому собору. Якубовича — отдельно от них, зато поближе к месту события.

Получается, что с точки зрения пропаганды личности, а это в политических переименованиях подразумевается всегда в первую очередь, заслуги Якубовича в борьбе с царизмом петроградской властью оценивались выше заслуг Пестеля и Рылеева.

Однако, по оценке историков декабризма, Александр Якубович, в отличие от других, не проявил себя так, как подобает настоящему борцу с несправедливостью и беззаконием. Отчего же тогда он, а не кто-либо другой оказался удостоенным чести быть увековеченным в названии улицы, расположенной в самом центре города на Неве?

Присмотревшись внимательней к личности Якубовича и к дате наименования улицы в его честь, можно увидеть символический смысл присвоения этой улице имени капитана Нижегородского драгунского полка.

Приятный внешне, красноречивый, эдакий Цицерон, к тому же уважаемый солдатами за заслуженную боевую славу. Его звали «храбрым кавказцем», поскольку он выполнял опасные поручения генерала Ермолова. Но он был ещё и фрондёром. Не будучи, что называется, революционно настроенным изнутри, он говорил о цареубийстве, имея в виду, правда, Александра I, который, по мнению Якубовича, несправедливо его обидел, сослав в 1818 г. на Кавказ.

Но именно ему, Якубовичу, 14 декабря 1825 г. был назначен жребий в случае надобности захватить императорскую семью. Об этом через десять дней после восстания скажет князь Трубецкой. Сам же Якубович на допросе заявит, что он должен был «не взять дворец, а идти с войсками на Дворцовую или Петровскую площадь» (Петровской официально именовалась Сенатская площадь) и по поручению общества кричать: «Ура, Константин!» до тех пор, пока не соберутся Совет и Сенат. Эти слова противоречат показаниям других участников восстания, которые утверждали, что штурм Зимнего дворца Гвардейским экипажем намечался, и что командовать им должен был как раз Якубович. Вместе с тем и Трубецкой, и Рылеев отмечали в Якубовиче задатки бонапартизма и намеревались после прихода к власти принять меры против диктаторства «храброго кавказца».

Теперь совместите даты. Осень 1923 г. — это не только время переименования петроградских улиц в честь достойных с точки зрения большевиков деятелей истории и культуры. Осень 1923-го — это время борьбы за власть за спиной у находящегося в Горках, изолированно от большой политики, больного Ленина. Ещё в конце декабря 1922-го Ленин продиктовал своей секретарше Марии Володичевой письмо, получившее известность как «Завещание Ленина», в котором в частности, говорил, что «товарищ Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть». В январе 1923-го уже Лидии Фотиевой он продиктовал своеобразный постскриптум к «Завещанию», в котором давал характеристики руководителям большевистской партии.

О Сталине говорится следующее: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности

генсека. Поэтому я предлагаю товарищам назначить на это место другого человека...». Можно оборвать цитату на этом месте и вспомнить, что переименование происходило в то время, когда председателем исполкома Петросовета был Григорий Зиновьев. О том, что он мог лично к этому «приложить руку», говорит тот факт, что сразу же после смерти Ленина именно Зиновьев был инициатором переименования Петрограда в Ленинград. Правда, это случилось через три с половиной месяца после истории с Ново-Исаакиевской, ставшей улицей Якубовича, но в этом явственно проследывается любовь Зиновьева к мемориализации вождей.

Необходимо также вспомнить, что Григория Евсеевича Сталин ненавидел. Зиновьев дважды исключался из партии и дважды в ней восстанавливался, но в 1936 г. был расстрелян по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра». Однако при этом нельзя забывать другое — что в борьбе за лидерство в партии в период болезни Ленина и после его смерти он вступил в союз со Сталиным против Троцкого. А в случае победы Сталина Якубович, как человек с диктаторскими наклонностями, к тому же «храбрый кавказец», был весьма подходящей фигурой для пропаганды диктатуры пролетариата в виде вождизма одного человека. Кавказца Джугашвили-Сталина.

Присвоение улице, расположенной неподалёку от бывшей царской резиденции, имени «храброго кавказца», выглядит в свете вышесказанного более или менее объяснимым. Иных причин выбора имени этого человека для улицы, ближайшей к месту восстания декабристов, не видно. Тем более, что Якубович оказался единственным из декабристов, не отправленным на виселицу, но увековеченным в названиях улиц города на Неве.

Ну а Григория Евсеевича Зиновьева, как видим, сей хитроумный поклон новому вождю, которого, в отличие от Якубовича, не называли «храбрым кавказцем», всё равно не спас от опалы и казни.

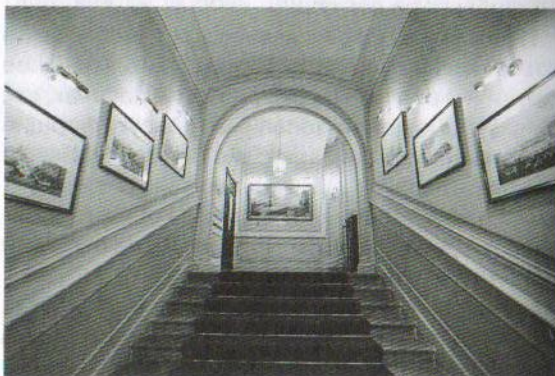
Имя Зиновьева было убрано из названий всех учреждений после 1926-го. Имя Сталина в 1956 г. было стёрто со всего, что было названо в Ленинграде в его честь, но «храбрый кавказец» Якубович, который через 98 лет после восстания декабристов оказался разменной монетой в борьбе ненавидевших друг друга коммунистических вождей, жив в топонимии Петербурга до сих пор.

Ну а что же Ново-Исаакиевская? Вернётся ли это название на карту города? В ближайшее время — вряд ли. Однако оно вернулось так, как и некоторые другие топонимы, присутствующие в названиях организаций: «на Знаменской», «на Николаевской» и т. д. На улице Якубовича, 24, в доме, расположенном на углу Конногвардейского переулка, в этом году открылся офисный особняк «Ново-Исаакиевский».

Возможно, он не отличался бы от других бизнес-центров, если бы не одно «но». Здесь трепетно относятся к истории. В доме, в котором с эпохи Екатерины II в течение полутора веков существовало Сарептское общество, названное так по месту, из которого прибыли в Петербург немецкие колонисты, насколько возможно восстановлено то, что свидетельствует о богатой истории здания. А трём лестницам владельцы «Ново-Исаакиевского» придумали свои оригинальные названия: лестница Войны 1812 года, Петровская лестница и лестница Петербургских Мостов. Стены первой украшают копии живописных полотен, посвящённых Отечественной войне, стены второй — картины, посвящённые основанию Петербурга, третьей — старые фотографии петербургских мостов.

Офисный особняк
«Ново-Исаакиевский».
Интерьеры

Лестница 1812 года.

Покровская лестница.

Лестница Петербургских
Мостов.

Название Ново-Исаакиевская — ярко выраженное петербургское. Приставка «Ново-» говорит о том, что была и Старо-Исаакиевская, что позволяет любопытным вспомнить историю появления нового, то есть нынешнего, Исаакиевского собора — творения Огюста Монферрана, а заодно и первую Исаакиевскую церковь Шверфегера, стоявшую ближе к Неве, в створе той самой Старо-Исаакиевской улицы, ныне Галерной.

Ну и напоследок — характеристика, данная Якубовичу императором Николаем I в «Записках о вступлении на престол». Говоря о Евгении Оболенском как об «одном из злейших заговорщиков», упоминая Рылеева, как человека, у которого заговорщики собирались, царь пишет: «Другое лицо, изверг во всём смысле этого слова, Якубовский <так в тексте> ...умел хитростью своей и некоторой наружностью смельчака втереться в дом графа Милорадовича, и, уловив доброе сердце графа, снискать даже некоторую его к себе доверенность. Что Оболенский не успевал узнать во дворце, то Якубовский изведывал у графа, у которого, как говорится, часто сердце было на языке».

А.Д. Ерофеев